

А. Д. СЁМКИН

**«Или знать, для чего живешь,
или же все пустяки, трын-трава».
К вопросу о телеологической парадигме
чеховского мира**

Трудно найти рассказ или повесть Чехова (за исключением, разумеется, «мелочишек»), где бы в том или ином виде не присутствовал в качестве важнейшей идеологической составляющей пресловутый вечный вопрос философии. Банальным сознанием этот вопрос — о смысле или бессмысленности человеческого существования на земле — воспринимается как квинтэссенция философской рефлексии вообще. В художественной литературе именно универсальность, грандиозность, «всеобщность» этого вопроса (в сочетании с кажущейся абстрактностью и принципиальной неразрешимостью) делают его достаточно специфическим объектом размышлений и обуславливают знаменательное противоречие: наряду с непреходящей актуальностью, умозрительные размышления о смысле жизни часто окрашены иронией и/или самоиронией. Без иронии и скепсиса на эту тему бесстрашно говорят художники мессианского типа, проповедники, такие как Гоголь и Белинский, Толстой, Чернышевский и Достоевский.

И, как ни странно, чаще всех — Чехов.

Действительно парадоксальное обстоятельство: ведь мир Чехова и его современниками, а часто и сегодняшним читателем воспринимался и воспринимается как безнадежно скучное пространство, в котором ничего не происходит, да и не может произойти, в котором влачат монотонное и бесцельное существование скучные, ни на что не годные люди. Для характеристики эпохи безвременья современный исследователь использует имя Чехова: «По-чеховски бессобытийная и монотонная

реальность превращает жизнь человека в жалкое существование, движимое единственно инстинктом самосохранения» *.

И в то же время нельзя не признать: мир этот как пространство идей выстроен, структурирован постоянными мучительными размышлениями героев и автора о предназначении человека.

1

Попробуем в общих чертах рассмотреть, как актуализируются в творчестве А. П. Чехова тесно связанные между собой мотивы смысла жизни, цели существования и жизненного успеха или неуспеха, что мы и понимаем под чеховской телеологической парадигмой. В классической, «платоновской» телеологической перспективе поведение человека рассматривается как сознательное, преследующее определенные цели. Априори предполагается возможность для каждого действующего индивидуума предвидеть возможный ход событий в их последовательной взаимосвязанности и соответствующим образом выстраивать свое поведение **. Можно использовать и русское слово целеполагание. Этот термин предполагает несколько иную расстановку акцентов: главное — в «формировании цели как субъективно идеального образа желаемого и воплощении ее в объективно реальном результате деятельности...» ***.

Итак, смысл, цель и успех в мире Чехова. Зачем живет человек и «много ли ему земли нужно»?

Ранее мы пытались размышлять об использовании Чеховым слова «скука» как совершенно особого знака; содержание его предельно широко, а конкретные значения настолько многообразны, что речь может идти о подлинной чеховской энциклопедии скуки ****. Теперь речь может идти об энциклопедии смыслов. Существенное отличие

---

* Вишневский А. Интеллигентская поп-культура 1970-х: случай «иронической прозы» (иллюстративные пролегомены) // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/vi9.html> (дата обращения: 02.02.2017).

** См., например: Доброхотов А. Л. Введение в философию. М., 1995; Румянцев О. К. Диалектическая телеология. М.: Рос. ин-т культурологии, 1998; Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под ред. И. Т. Касавина. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.

*** Большой словарь по социологии. [Электронный ресурс] URL: www.rusword.com.ua. — Режим доступа: URL: <http://www.rusword.com.ua/rus/index.php> (дата обращения: 15.01.2017).

**** См.: Семкин А. Д. Чехов. Зоценко. Довлатов: В поисках героя. СПб.: Островитянин, 2014.

состоит в том, что в первом случае принципиально важным было все же исследование семантики, способов употребления слова, возможных его значений, что же касается рассматриваемой телеологической проблематики, в каждом конкретном случае упоминание в произведении этих мотивов неминуемо означает и описание некоторой конкретной мировоззренческой модели. Таким образом, речь должна идти и о проблеме множественности таких смысло-целевых установок — поэтому мы и говорим о парадигме или веере возможных мировоззренческих моделей в мире Чехова. Эти модели заявлены фрагментарно, скорее окказиональным образом. В целом следует согласиться с устойчивым представлением об антиидеологичности чеховского текста и чеховских героев; это мнение стало общим местом еще в 1970-е, оно актуально и сегодня, вот, например, мнение современного исследователя: «У героев Чехова нет стройной, последовательной идеологии»*. Эти слова применимы, разумеется, не ко всем персонажам чеховских произведений, но, по-видимому, к большинству.

Важнее другое: это отсутствие стройности, последовательности и разработанности конкретных идеологических схем компенсируется разнообразием отраженных срезов действительности. А поскольку Чехов захватывал материал современной ему жизни очень широко, может быть, не будет преувеличением сказать, что совокупность его текстов дает более или менее целостную картину возможных мировоззренческих моделей, актуальных для его эпохи.

2

Отметим: нами не ставилась задача обобщения всего, что написано на эту тему — а написано немало. Мы отталкивались впрямую от материала, алгоритм был предельно прост: внимательный просмотр под определенным углом зрения, буквально «прочесывание» чеховских произведений, фиксация вариантов, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, затем их классификация и, на основе возникающей постепенно классификации, формулирование более или менее обоснованных предположений. Мы шли от текстов, а не от идеи, и концептуализация была связана непосредственно с конкретным материалом.

Трудность рассмотрения этой темы в том, что очень трудно найти произведение Чехова, где она не была бы так или иначе заявлена. Исследователь оказывается в очень сложном положении, потому что

---

* Собенников А. С. Палата № 6 // А. П. Чехов. Энциклопедия / Сост. и науч. ред. В. Б. Катаев. М., 2011. С. 142.

у Чехова это, собственно, не тема, не мотив, а стержень, объединяющий все; вопрос о смысле можно назвать важнейшим организующим вопросом чеховской вселенной.

Крайние точки чеховской телеологической парадигмы, если расположить все возможные варианты по горизонтальной оси, таковы: в «Крыжовнике» и «Скрипке Ротшильда» — максимально приземленное понимание цели и смысла существования; в «Рассказе неизвестного человека» — максимально возвышенное представление о жизненной цели, сформулированное человеком, живущим во имя высокой идеи. Между ними расположились десятки вариаций. Многообразие их поражает, но это только часть схемы, горизонталь.

Между тем не менее, а возможно, и более, важна существующая в этой системе координат вертикаль; ее образуют два полюса, связанные с утверждением или отрицанием цели и смысла вообще. Между этими полюсами — значительное пространство, пространство поиска. Ситуация, как нам представляется, аналогична известной чеховской идеологеме о некоем поле религиозно-нравственных исканий.

«Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из двух этих крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало» (17, 33–34).

В своей известной статье, посвященной вопросу о религиозности Чехова, А. П. Чудаков буквально под микроскопом исследует этот небольшой и на первый взгляд фрагментарный, в действительности же абсолютно цельный и законченный текст*. Главный вывод, сделанный исследователем: высшими ценностями должны быть признаны сама огромность поля, процесс его прохождения и свободный человек, «истинный мудрец», это поле проходящий — принципиально неважно, по мнению исследователя, в какую сторону он идет. Важна абсолютная свобода этого мудреца, в терминологии Чудакова — «человека поля». Таким «человеком поля», абсолютно свободным от всех границ, вех, далеким от обоих полюсов, является и сам Чехов.

Воспользуемся этим образом и мы. Предположим, что такое же точно поле существует между «есть смысл» и «нет смысла». Тогда мы должны констатировать, что и в этом случае определение «человек поля» напрямую касается в первую очередь самого Чехова.

Первый полюс, констатация фатального отсутствия цели и смысла, может быть проиллюстрирован огромным количеством вариантов,

---

* Чудаков А. П. Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле. Чехов и вера // Новый мир. 1996. № 9. С. 186–192.

от бессмысленности жизни страдают очень многие герои Чехова. Вполне показателен в этом смысле финал рассказа «Поцелуй»:

«И весь мир, вся жизнь показались Рябовичу непонятной, бесцельной шуткой... он ...вспомнил свои летние мечты и образы, и его жизнь показалась ему необыкновенно скудной, убогой и бесцветной...» (6, 423).

Здесь сформулировано все, что обычно ставилось Чехову в вину современной ему критикой. Подобные высказывания, констатирующие отсутствие смысла и принципиальную невозможность цели, характерны как для прозы Чехова, так и для его драматургии:

«Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости...» (13, 79) — жалуется Войницкий в «Дяде Ване».

«С тяжелою головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу?» (12, 74) — вторит ему Иванов.

Неудивительно, что даже самый чуткий и профессионально подготовленный читатель может попасть под отрицательное обаяние этой безысходно пессимистической интонации. Приведем замечательное свидетельство А. П. Чудакова, которому его жена М. О. Чудакова говорила, «что перечитывание Чехова всегда у нее приводило к двум мыслям: что писать ничего не нужно, ибо такой совершенной прозы все равно не напишешь, и то, что вообще ничего делать не нужно, потому что все равно все бессмысленно»*.

Второй полюс мы охарактеризовали как утверждение необходимости и возможности осмысленного существования. Впрочем, уточним: именно в этом случае особенно очевидно, что речь должна идти не о жестких фиксированных позициях, но об обширном поле вариантов между этими позициями. Мы можем говорить не о безусловно очевидном наличии смысла, а скорее о явлениях внешних, его сопровождающих, о намеках на существование смысла:

— о надежде на осмысленную жизнь: «Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно» (17, 70);

— о стремлении к такому существованию: «Жизнь дается один раз, и хочется прожить ее бодро, осмысленно, красиво. Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется делать историю...» (8, 213) («Рассказ неизвестного человека»);

---

* Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. М.: Время, 2013. С. 507.

— о соответствии такого существования человеческому званию — в «Крыжовнике» адекватны этому званию только цели космического масштаба: «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа» (10, 58).

3

Возвращаясь к парадигме телеологических моделей в творчестве Чехова, рассмотрим конкретные варианты смысло-целевой ориентации его героев в жизни (материал — вся проза и драматические произведения Чехова, за исключением самых ранних произведений, то есть первых четырех томов полного собрания сочинений).

Необходимо уточнить один момент, предполагающий изначальное деление чеховских героев, приверженцев той или иной модели, на две группы. Конечно, Чехов не склонен осуждать своего героя, его поэтика не предполагает вынесения приговоров. Тем не менее попробуем отделить «белокурых друзей» от «рыжих врагов». Утверждая равенство всех без исключения персонажей перед телеологическим сканером, мы все же должны признать очевидную разницу между Рагиным и Хоботовым, между Аксиньей и Липой... Ранее мы пытались определить систему этических координат чеховского мира через ключевое для писателя понятие скуки*, разделив героев на «скучных» и «нескучных». Первые — те, кто собственным существованием обуславливает владычество скуки в мире, становится ретранслятором собственного тягостного томления в окружающую действительность, «проводником скуки». Вторые способны противостоять низкому и пошлomu. Проблема смысла, содержания жизни касается и тех, и других.

Кстати, примитивность или сугубая непривлекательность сформировавшейся «отрицательной» телеологической модели вовсе не означает ее слабости, малопригодности — она может обладать способностью мощного воздействия не только на «носителя» этой модели, но и на окружающих: «...восторженная почитательница Чехова, О. А. Смоленская, рассказывала в своем письме о литературном споре, в котором она участвовала, доказывая, что Беликова нельзя считать ничтожеством. «“Ничтожество он, а не сила”, — говорили они. Но в ничтожестве его — его и сила, сила, потому что у него ничтожество, а у людей, с которыми он живет, ни величины, ни ничтожества <...> ничего <...> хоть “шаром покати”». Со дня рождения его держали под крышкой, под колпаком, давили его... и задавили в нем всё человеческое, живое (жизнь

* См.: Семкин А. Д. Указ. соч.

задавили, замерла она в нем!), и это давление создало силу <...> сумма давлений — его сила <...> они отложились в нем, как в земле откладываются пластами каменные породы, и образовали искреннее, глубокое, твердое, святое убеждение, что так надо жить, что его нравственный, священный долг так действовать <...> это его религия... он этим и покори́л себе всех... победил своею прямолинейностью <...> слепотой <...> ничтожеством <...> убежденностью, искренностью...» (10, 373).

В зоне, условно говоря, негатива, людей скуки, могут быть отмечены следующие основные модели:

1. Наиболее простым вариантом следует считать разные варианты сугубо практического целеполагания, когда мечты о будущем сводятся к убогим, чисто физиологическим желаниям, а отношение к высшей ценности единственной жизни характеризует примитивная утилитарность...

«...Во всех этих картинах он видел себя самого сытым, спокойным, здоровым, ему тепло, даже жарко! Вот он, поевши холодной, как лед, крошки, лежит вверх животом на горячем песке у самой речки или в саду под липой...» (6, 108) («Выигрышный билет»).

Апофеозом практического отношения к жизни является, конечно «Скрипка Ротшильда» — притча об убытках, размышление, в котором голос Бронзы незаметно сменяется голосом автора, авторской горькой иронией:

«А если бы всё вместе — и рыбу ловить, и на скрипке играть, и барки гонять, и гусей бить, то какой получился бы капитал! Но ничего этого не было даже во сне, жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку... От жизни человеку — убыток, а от смерти — польза. Это соображение, конечно, справедливо, но все-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая дается человеку только один раз, проходит без пользы» (8, 304).

2. Самый любимый Чеховым, чаще других встречающийся случай — подмена смысла разными вариантами «задора». Само обозначение явления принадлежит, как известно, Гоголю: «У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак, другому кажется, что он сильный любитель музыки <...> третий мастер лихо пообедать...»*.

Особенно интересен в этом смысле рассказ «Скука жизни» — как будто специально посвященный исследованию данной проблемы. Истинное содержание рассказа — отыскивание вариантов для заполнения зияния в собственном существовании. Подбор их героиня начинает с лечения мужиков: «Ей вдруг показалось, что перед нею, как на ладони, откры-

* Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М., 1959. С. 25.

лась цель ее жизни...» (5, 164–165) — а дальше начинается мучительный поиск обманчивых смыслов, которые Чехов называет «иллюзиями» — от религиозности до увлечения гастрономическими изысками. Задором может стать любая привычка, привязанность, особенность характера или нюанс мировоззрения, умение, навык — все что угодно:

«Говорят, Гладстон, когда делать ему нечего, древних классиков изучает и — увлекается. Если и со службы его прогонят, то будет у него чем жизнь наполнить. Хорошо также в мистицизм впасть, или... или...» (5, 177).

Задор в текстах Чехова фантастически разнообразен. Разумеется, не всегда задор обозначен как цель жизни. Можно определить по-другому: задор — это то, что становится основным содержанием существования героя. Вот как это происходит в «Ионыче»:

«Было у него еще одно развлечение, в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, это — по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой...» (10, 36). Это именно классический задор.

Еще одно, уже чеховское слово — зацепка. Это тоже задор, но в его особенно очевидной, наглядной бессмысленности:

«Хотелось кротости, душевной тишины и уверенности в себе, как у этого гостя, который вот наелся огурцов и хлеба и думает, что от этого стал совершеннее; <...> Имеет человек в жизни зацепку — и хорошо ему» (9, 328) («Печенег»).

Интересный вариант совершенно особенного задора мы видим в «Человеке в футляре»:

«Ну вот к чему нам вдруг понадобилось женить этого Беликова, которого даже и вообразить нельзя было женатым? Директорша, инспекторша и все наши гимназические дамы ожили, даже похорошели, точно вдруг увидели цель жизни» (10, 46–47).

3. К «негативной сфере» следует отнести и вариант поисков смысла в идеологии, хотя цель, связанная с исканиями народников, состоит в том, чтобы сеять разумное, доброе, вечное, страдать вместе с народом... Это путь некрасовского Гриши Добросклонова, героев Чернышевского, Решетникова, Николая Успенского, жертвенное и прекрасное служение, но... Дело не в том, что сегодня, ретроспективно, мы можем по-иному оценивать это служение — истинную точку отсчета дает иронический взгляд повествователя, мягко дискредитирующий возвышенные устремления персонажа.

В рассказе «Верочка» девушка влюблена не только (и не столько) в Огнева, сколько в собственное красивое представление об осмысленной жизни, предполагающей наличие цели:

«... она говорила ему, что с первых же дней знакомства он поразил ее своею оригинальностью, умом, добрыми, умными глазами, своими

задачами и целями жизни... в каждой цифре его тетрадок она видела что-то необыкновенно разумное и грандиозное...» (6, 78).

Чего же ожидает Верочка, к чему стремится?

«Я не могу здесь оставаться! — сказала она, ломая руки. — Мне опостытели и дом, и этот лес, и воздух. Я не выношу постоянного покоя и бесцельной жизни, не выношу наших бесцветных и бледных людей, которые все похожи один на другого, как капли воды! Все они сердечны и добродушны, потому что сыты, не страдают, не борются... А я хочу именно в большие, сырые дома, где страдают, ожесточены трудом и нуждой...» (6, 78–79).

Но сочувствовать Верочке мы не можем, ощущая в ее восторженной устремленности к подвигу нечто надуманное, ложное и фальшивое... К этой же группе произведений относятся, очевидно, и «Дом с мезонином», с кипучей деятельностью Лиды Волчаниновой, и «Хорошие люди», и «Невеста».

4. Достаточно элементарный и очень распространенный случай телеологической подмены: в качестве смысла существования утверждается определенная степень социализации, то есть блеск и радость светской жизни, успех в обществе. Яркий пример такого выбора — мечты Ариадны:

«...она, определенно не зная, для чего, собственно, она создана и для чего ей дана жизнь, воображала себя в будущем не иначе, как очень богатую и знатную, ей грезилась балы, скачки, ливреи, роскошная гостиная, свой salon и целый рой графов, князей, посланников, знаменитых художников и артистов, и всё это поклоняется ей и восхищается ее красотой и туалетами...» (9, 112).

Мягче отношение рассказчика к юной красавице Пальцевой в рассказе «В пансионе»: «Дай только вырваться, забудет она и эту Жевузешку, и болвана Дырявина, и алгебру... Не алгебра ей нужна! Ей нужен простор, блеск... нужна жизнь...» (5, 152). Зато совершенно беспощаден итог, подведенный под судьбой героини в «Анне на шее».

Поскольку в приведенных примерах успех касается красоты и поклонников, естественно, речь о женщинах. Но успех другого рода, популярность, касается и мужчин. В «Пассажира 1-го класса» — смысл жизни героя в известности: «...когда я был помоложе, я всеми фибрами души моей стремился к известности. Популярность была моим, так сказать, сумасшествием» (5, 270–271).

5. Страшный вариант обретения смысла в том, чтобы вносить в жизнь зло, мучить и терроризировать окружающих, не так уж редко встречается у Чехова:

«Акцизный шел сзади жены и, глядя на ее согнувшуюся, убитую горем и униженную фигурку... был рад и доволен, и в то же время ему

недоставало чего-то и хотелось вернуться в клуб и сделать так, чтобы всем стало скучно и горько и чтобы все почувствовали, как ничтожна, плоска эта жизнь...» (5, 246) («Муж»).

В постоянном излиянии на домашних и гостей яда и злобы состоит смысл жизни Рашевича (рассказ «В усадьбе»). Очень похожий вариант мучительства находим в рассказе «Тссс!...»:

«Кокетничанье и ломанье перед самим собой, <...> деспотизм и тирания над маленьким муравейником, брошенным судьбою под его власть, составляют соль и мед его существования» (5, 406).

6. Цель жизни может состоять в заимствовании цели у другого, то есть в сиянии отраженным светом — таких героев у Чехова много, даже мать Лиды из «Дома с мезонином», но наиболее интересна «Попрыгунья». Цель жизни Ольги Ивановны — общество «знаменитых людей»:

«Старые уходили и забывались, приходили на смену им новые, но и к этим она скоро привыкала или разочаровывалась в них и начинала жадно искать новых и новых великих людей, находила и опять искала. Для чего?» (8, 10).

Кстати, здесь же должна быть упомянута и «Душечка» — как ни парадоксально, столь разные героини в этом отношении оказываются очень похожи.

7. Можно обрести смысл в соблюдении ритуала:

Приведем пример наиболее комичный — смыслом существования может оказаться даже суп как некий сверхпродукт:

«Моя мать любила, чтобы дети много ели, и когда, бывало, кормила меня, то говорила: “Ешь! Главное в жизни суп!” Я верил, ел этот суп по десяти раз в день, ел как акула, до отвращения и обморока» (5, 468) («На пути»).

Сравним:

«“Жуйте, как следует”, — говорит отец. И жевали хорошо, и гуляли по два часа в сутки, и умывались холодной водой, всё же вышли несчастные, бездарные люди» (17, 175).

8. Смысл можно попытаться предположить априорно существующим в самом процессе жизни, такова позиция Ярцева в повести «Три года»:

«Я вовсе не хочу, чтобы из меня вышло что-нибудь особенное, чтобы я создал великое, а мне просто хочется жить, мечтать, надеяться, всюду попевать... Жизнь, голубчик, коротка, и надо прожить ее получше» (9, 76). Эта стихийная мудрость по-своему привлекательна, хотя, в принципе, смыкается с отрицанием смысла вообще.

9. Следующая ступень на пути отказа от телеологической модели — подмена действительного поиска имитацией; иронически изображает Чехов самолюбование дешевого позера, якобы ищущего смысл и убежденного неизвестно почему в том, что уж его-то жизнь смыслом обладает:

«Участковый мировой судья Милкин, молодой человек с томным, меланхолическим лицом, слывающий за философа, недовольного средой и ищущего цели жизни, стоял у окна и печально глядел во двор» (6, 315) («Сирена»).

Более резко ложное представление о себе, самообман, самоуверенность ничтожества изображены в рассказе «Пустой случай»:

«Также заезжаю я к нашему судебному следователю. Человек получает 250 в месяц, но дела почти никакого, только и знает, что целые дни в одном нижнем белье шагает из угла в угол, но спросите его, он уверен, что дело делает, честно исполняет долг» (5, 304).

10. Наконец, крайний, самый тяжелый вариант — отрицание смысла в жизни вообще по легкомыслию или в результате желания покрасоваться собственной беспощадной ироничностью — таковы Орлов и его друзья в «Рассказе неизвестного человека».

Доведенная до полного осуществления, до победы, ложная цель обращивается экзистенциальной катастрофой — результатом становится все тот же ужас бессмысленности, например, в «Рассказе госпожи NN»:

«Мне стало невыносимо жаль самой себя и этого человека и страстно захотелось того, что прошло и в чем теперь отказывает нам жизнь... Я громко всхлипывала, сжимая себе виски, и бормотала: Боже мой, Боже мой, погибла жизнь...» (6, 453).

Ужасным может стать достижение цели — такова победа Аксиньи в «В овраге». А ведь Аксинья — пример личности весьма целеустремленной. И, конечно, самый беспощадный диагноз ложному целеполаганию — «Крыжовник»:

«Я видел счастливого человека, заветная мечта которого осуществилась так очевидно, который достиг цели в жизни, получил то, что хотел, который был доволен своею судьбой, самим собой. К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию» (10, 61–62).

4

Обратимся к зоне условного позитива — какие варианты целеполагания освещают жизнь самых прекрасных героев Антона Павловича? Назовем важнейшие из них.

1. Это весь комплекс традиционных христианских добродетелей. В рассказе «На пути» устами Лихарева названы как самые важные из них любовь, милосердие, всепрощение:

«Благородное, возвышенное рабство! — сказал он, всплескивая руками. — В нем-то именно и заключается высокий смысл женской

жизни!» — и далее: «Смысл жизни именно в этом безропотном мученичестве, в слезах, которые размягчают камень, в безграничной, всепрощающей любви, которая вносит в хаос жизни свет и теплоту...» (5, 472).

2. Вера, точнее сама способность веровать, устремленность к высокому:

«Русская жизнь представляет из себя непрерывный ряд верований и увлечений, а неверия или отрицания она еще, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русский человек не верит в Бога, то это значит, что он верует во что-нибудь другое» (5, 468).

3. Умение и желание делать добро:

«Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!» (10, 64) («Крыжовник»).

4. Служение высокому долгу. Здесь необходимо обратиться к еще одному чеховскому тексту, не художественному, но посвященному впрямую рассматриваемой проблеме жизненной цели — к очерку «Н. М. Пржевальский».

Смысл жизни для людей калибра Пржевальского — подвиг, исполнение долга. Пафос очерка сообщает приведенной оценке статус абсолютной истины, окончательного решения вопроса о смысле существования.

«Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, <...> их фанатическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу» (16, 236).

Этой патетической интонацией очерк противоречит общепринятому и справедливому представлению о чеховской мягкости и отсутствию категоричности. Конечно, отношение писателя к беззаветному, но и беспощадному служению в его художественном творчестве оказывается намного сложнее, достаточно вспомнить описание в «Дуэли» воображаемой экспедиции фон Корена. Это противоречие было не раз отмечено; согласимся, однако, что и публицистический текст «Н. М. Пржевальский», написанный Чеховым с большим душевным подъемом, заслуживает внимания как отражение одной из граней чеховского мировоззрения.

5. Труд. В повести «Три года» один из самых близких автору героев, Лаптев, говорит: «Надо поставить свою жизнь в такие условия, чтобы труд был необходим. Без труда не может быть чистой и радостной жизни» (9, 19).

6. Свобода. В «Моей жизни» Маша поставит свободу превыше всех условий, необходимых для жизни и, следовательно, сообщающих ей смысл: «...нужно одно лишь сознание свободы, потому что когда человек свободен, то ему ничего, ничего, ничего не нужно» (9, 272).

7. Высшие цели могут быть и не названы, однако и в этом случае они делают жизнь осмысленной и красивой.

«Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, всё прекрасно на этом свете, всё, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве...» (10, 134) («Дама с собачкой»).

8. Естественная жизнь без всяких целей может быть прекрасна и возвышенна, если становится воплощением одной из важнейших христианских добродетелей — смирения:

«М-да... — согласился о. Христофор, задумчиво глядя на стакан. — Мне-то, собственно, нечего бога гневить, я достиг предела своей жизни, как дай бог всякому... Живу со своей попадъей потихоньку, кушаю, пью да сплю, на внучат радуюсь да Богу молюсь, а больше мне ничего и не надо» (7, 35) («Степь»).

9. Смысл может придать жизни надежда на посмертную справедливость, на грядущее воздаяние в лучшем из миров — об этом монолог Сони в финале «Дяди Вани»:

«...мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихую, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...» (13, 116).

10. Революционно-атеистическим вариантом такой телеологической модели оказывается надежда на новую жизнь, пока неведомую, но, конечно, прекрасную:

«О, если бы поскорее наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будет прямо и смело смотреть в глаза своей судьбе, сознавать себя правым, быть веселым, свободным! А такая жизнь рано или поздно настанет!» (10, 219) («Невеста»).

11. Наконец, смысл может заключаться в самом поиске смысла. Этот процесс не имеет конца, и целью его является само участие в процессе. Об этом спор Мисаила с доктором Благово в «Моей жизни»:

«— Жить и не знать определенно, для чего живешь!

— Пусть! Но это “не знать” не так скучно, как ваше “знать”. Я иду по лестнице, которая называется прогрессом, цивилизацией, культурой, иду и иду, не зная определенно, куда иду, но, право, ради одной этой чудесной лестницы стоит жить; а вы знаете, ради чего живете — ради того, чтобы одни не поработали других, чтобы художник и тот, кто растирает для него краски, обедали одинаково. Но ведь это мещанская, кухонная, серая сторона жизни...» (9, 221).

Подводя итог, мы должны упомянуть и еще один текст, в эту парадигму никак не вписывающийся; речь идет об одной фразе из рассказа «Перекасти-поле», которая, несмотря на «разговорность», содержит высокое обобщение. В ней отчетливо сформулирована заветная чехов-

ская мысль, которая ставит под сомнение все рассуждения о чеховской телеологии, заставляя вспомнить слова А. П. Чудакова о том, что Чехов в принципе антителеологичен. Вот это удивительное, все опровергающее рассуждение:

«Засыпая, я воображал себе, как бы удивились и, быть может, даже обрадовались все эти люди, если бы нашлись разум и язык, которые сумели бы доказать им, что их жизнь так же мало нуждается в оправдании, как и всякая другая» (6, 263).

5

Возможна и принципиально иная типология, когда определяющим критерием становится заинтересованность автора телеологическим аспектом, погруженность в эту проблематику. Тогда возникает следующая иерархия:

1) Случайное упоминание определенного взгляда на мир в телеологическом ракурсе: «Доктор», «В пансионе», «Тссс!...».

2) Моноисследование, в центре которого — феномен определенного мирозерцания: «Душечка», «Ариадна», «Крыжовник», «Анна на шее», «Скрипка Ротшильда».

3) Дуэль двух мировоззренческих моделей, их взаимная противопоставленность; например, в «Попрыгунье» подлинным содержанием рассказа является столкновение двух представлений о цели: стремление к социализации у Ольги Ивановны («Всякое новое знакомство было для нее сущим праздником...» (8, 10)) и безропотная всепрощающая любовь Дымова.

Интереснейший вариант — рассказ «В ссылке». Правда Семена (очевидно, уважаемая окружающими, недаром он носит кличку «Толковый») есть вульгарное изложение философии киников, ее, так сказать, практическая часть, состоящая в отрицании целеполагания вообще:

«...могу голый на земле спать и траву жрать. И дай бог всякому такой жизни. Ничего мне не надо и никого я не боюсь, и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человека нет» (8, 43).

Совершенно естественным поэтому выглядит гордый и безжалостный совет Толкового Василию Сергеевичу:

«Уж ежели, говорю ему, нас с вами судьба обидела горько, то нечего у ней милости просить и кланяться ей в ножки, а надо пренебрегать и смеяться над ней. А то она сама насмеется» (8, 44).

Однако почему все симпатии читателя на стороне страстного и живого, радующегося и страдающего Василия Сергеевича? Такова авторская интенция. Как же это непохоже на расхожее представление о Чехове — поддерживаемое и им самим! («...Во мне огонь горит ровно и вяло, без вспышек и треска...» (П 3, 203) (письмо А. С. Суворину 4 мая 1889).)

Таков и ответ Толковому его оппонента — татарина:

«Барин живой, а тыдохлый... Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего и тебе ничего... Ты камень — и Бог тебя не любит, а барина любит!» (8, 49–50).

4) Наконец у Чехова есть тексты, все построенные на столкновении нескольких моделей, представляющие сразу целый веер их — таковы «Палата № 6», «Скучная история», «Дом с мезонином», «Три года», как ни странно, «Степь». Однако разбор их — тема отдельного исследования.

6

Однако где же настоящий Чехов, где его подлинный голос?

Мы слышим его и в пафосе «Пржевальского», и в спокойной мудрости отца Христофора, и в парадоксальных, вызывающих, в принципе отрицающих цель рассуждениях доктора Благово... И в возмущенном комментарии самого Чехова к высказыванию Д. С. Мережковского по поводу рассказа «Святою ночью»: «Мережковский моего монаха, сочинителя акафистов <“Святою ночью”>, называет неудачником. Какой же это неудачник? Дай Бог всякому так пожить: и в Бога верил, и сыт был, и сочинять умел...» (П 3, 54). (Обратим внимание, в этом случае цель как раз совершенно ясна.) И в холодном отчаянии Николая Степановича («Скучная история»), столь похожем на строки из чеховского письма о жизни и морковке, и в том неожиданном, все переворачивающем взгляде на проблему в финале рассказа «Перекасти-поле».

Эти итоговые идеологические формулировки принадлежат очень разным героям, но за ними как никогда ощущается сам автор; граница между автором и героем здесь как никогда зыбка и призрачна (в отличие от случая с Лидой Волчаниновой или с рассказом «Муж»).

Вернемся к предложенному выше определению. Чехов — действительно человек поля. Мерцающая множественность возможных ответов порождает прежде всего вопрос: это одновременное сосуществование независимых равноправных правд или движение? Статика или динамика? А если это движение, то каков его характер, насколько этот путь сознателен? Мы отвергаем предположение о хаотичном блуждании, но и обнаружить логику осознанного пути представляется затруднительным. В самом деле, удивительно: вот очерк «Н. М. Пржевальский», в котором обрисована достаточно ясная и четкая картина мира, причем именно по рассматриваемому признаку, телеологическому. Подвижники, которые «нужны как солнце», противопоставлены тем, даже лучшим, что «сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсут-

ствием определенной цели в жизни». Главное в них то, что это «люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно сознанной цели» (16, 237). Это 1888 год. А вот беспощадная фраза из письма почти предсмертного: «Ты хочешь спросить, что такое жизнь? Лучше спроси, что такое морковь. Морковь — это морковь, и больше ничего о ней неизвестно» (П 12, 93). Трудно не усмотреть здесь иронию по поводу попыток искать смысл.

Справедливо отмечает современная исследовательница: «Сам Чехов, как известно, публично не выражал свои писательские интенции, а рефлексию по поводу литературы, <...> размышления о собственном творчестве, выражал в жанрах конфиденциальных — в личных беседах, письмах, передоверял героям собственных произведений — коллегам Тригорину и Треплеву и просто читателям — профессору Николаю Степановичу («Скучная история»), персонажам повести «Три года», рассказа «Бабье царство» и т. д. Отсутствие в наследии писателя манифестов, деклараций не позволяет создать целостную картину его литературных предпочтений и устремлений»*.

То же касается и чеховских размышлений о цели в жизни.

И все же, кратко перелистав страницы рассказов и повестей Чехова, завершим вполне категоричной цитатой из его письма Суворину: «Осмысленная жизнь без определенного мировоззрения — не жизнь, а тягота, ужас» (П 3, 80).

---

* *Одесская М. М.* Чехов и проблема идеала. М., 2011. С. 10.